

О вере, творчестве и посте

Имя Любови Казарновской говорит само за себя. Ее глубокое, выразительное сопрано звучит в «Реквиеме» Верди, операх «Саломея» Штрауса, «Евгений Онегин» Чайковского, «Манон Леско», «Тоска» Пуччини, «Сила судьбы», «Травиата» Верди и многих других. Казарновская выступала в Covent Garden, Metropolitan Opera, Lyric Chicago, San Francisco Opera, Wiener Staatsoper, Teatro Colon, Houston Grand Opera. Ее партнерами по сцене были Паваротти, Доминго, Каррерас, Арайза, Нуччи, Каппуччилли, Коссотто, фон Штаде, Бальтца, Кура, Аланья. Сегодняшние будни певицы — концерты в России и за рубежом, съемки на телевидении, записи на радио, еженедельная авторская передача «Вокалиссимо» на «Орфее», мастер-классы в Москве и международная академия «Голос и скрипка». Корреспондент портала Православие.Ру встретился с доктором музыкальных наук, профессором Любовью Юрьевной Казарновской, чтобы поздравить ее с 35-летием творческой деятельности и поговорить о неразрывной связи творчества и веры в Бога в жизни певицы.

Любовь Казарновская. Фото:
Russian Look Press

— Любовь Юрьевна, расскажите, как начиналась ваша творческая карьера?

— Тридцать пять лет назад я выступила с программой «Пушкин на все времена», и на меня обратили внимание после первого же выступления. Помню, что в зале литературного музея Пушкина сидели Ираклий Андроников, Дмитрий Лихачев и весь цвет русской филологии.

Акомпанировала мне мой педагог Надежда Матвеевна Малышева-Виноградова, вдова известного пушкиниста академика Виктора Владимировича Виноградова, которая была концертмейстером у Шаляпина и училась у Станиславского. После окончания Московской консерватории я стала солисткой музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, а позже — ведущей солисткой Государственного академического театра имени Кирова — знаменитой Мариинки.

— ***А как начался ваш путь к храму, к Богу?***

— Знаете, наша бабушка, папина мама, Надежда Ивановна, окрестила нас с сестрой в младенчестве, в бессознательном возрасте. Когда папа, который занимал довольно большие позиции, спросил ее: «Мам, зачем ты детей таскаешь в храм по субботам-воскресеньям?» — она сказала: «Юрочка, я делаю все тихо. Никто ничего не узнает». И мы либо ездили в Новодевичий монастырь, либо ходили в Филипповскую церковь.

Бабуля, будучи невероятно верующим человеком, видимо, зажгла во мне эту искру

Бабуля, будучи невероятно верующим человеком, видимо, зажгла во мне эту искру. Бабушка очень много работала, и ее сын, мой папа, был на попечении своей тетки. Та никогда не была замужем, воспитывала папу, жила с нами. Папина тетка, как и наша бабушка, закончила и обычную, и православную гимназию, обе с незапамятных времен были людьми верующими.

У бабушки в комнате на этажерке стояли иконки. Одну из них (это была иконка Серафима Саровского) я очень любила. Я подходила и спрашивала: «Бабуля, а что это за старичок и почему он вот так стоит с палочкой, согнувшись?» И она мне все рассказывала. Прочитала его житие, когда мне было четыре с половиной года.

Для меня это была такая удивительно светлая тема. Потом мы много ходили в Третьяковку. И я, маленькая, всегда останавливалась перед картиной Нестерова «Явление отроку Варфоломею».

Любовь Казарновская

— Вы сохранили эту детскую веру и дальше?

— Вера в семье всегда была, но она как-то отошла на второй план. Это же было советское время. На первом месте была моя учеба, много занятий, концертов, выступлений... Папа и мама были членами партии. Поскольку папа всегда занимал довольно ответственные посты, маму как жену ответственного работника просто принудили вступить в партию. А сознатель-

ная вера ко мне пришла, когда начались перестройка и развал Советского Союза.

— Что-то подтолкнуло вас к этому?

— Умирает моя мама. Я нахожусь в таком состоянии, что не хочу ни петь, ни что-либо еще делать, вообще ничего не хочу... Опустошение полное. Мама была настолько адекватна, настолько молода душой, что я ее воспринимала как свою подругу, могла ей рассказать все. Когда ее не стало, я поняла, что единственное мое спасение, помимо того, что рядом друг-муж, в Боге. Я просто приходила в храм и говорила: «Пусть будет Твоя воля. Буду я петь, не буду, но дай мне силы, потому что я жить не могу». Я начинала какую-то музыку петь и видела ее сидящей на диванчике... Когда мама была жива, я говорила ей: «Ты моя коридорная кафедра». Она плакала, давала какие-то мудрые советы, пропускала через себя все, что я делаю.

Она ушла так внезапно, так трагически для меня... Я была в Вене, муж Роберт был в Москве. Он мне звонит: «Тебе надо срочно вылетать в Москву!»

Я спрашиваю: «Что-то с мамой?» — «Да». Но он мне не сказал, что она ушла. Он как раз тогда готовил концерт Пласидо Доминго, который приехал в Москву. Папа был на даче и приехал в 7 утра. Он был в абсолютно затуманенном состоянии. Я прилетела и поняла, что мне где-то надо искать опору. Мне даже толком не с кем было поговорить. Сестра получила один из своих первых контрактов во Франции и Швейцарии. Она преподавала французскую грамматику. Хотя она тоже прилетела перед похоронами, мне некому было излить свое горе.

— И тогда вы пошли в храм?

Батюшка дал мне совершенно потрясающие советы: «Знаете, только время... Это горе не уйдет, но оно отодвинет эту боль, эту остроту»

— Да, я пошла в храм и очень серьезно поговорила с батюшкой. Мы с ним очень долго сидели, и он мне дал совершенно потрясающие советы: «Знаете, только время... Это горе не уйдет, но оно отодвинет эту боль, эту остроту». Это было для меня настолько важно тогда, в тот момент, что я погрузилась в религию, купила молитвослов, каждый день стала читать молитвы за всех, молиться за отца, за сестру, за Роберта. И именно тогда мой муж принял решение перейти из католицизма в Православие. Его крестили 1 марта, в день его рождения, а это день памяти патриарха Гермогена. Этим именем и нарекли Роберта.

С тех пор вера стала неотделимой частью моей жизни. Не помолившись, я не хотела из дома выходить, я не хотела ни с кем разговаривать. Это вошло в мою жизнь без всяких ломаний и кривляний. И я понимаю, что, наверное, для творческого человека — это и есть бытие. Я считаю, что мы все, творческие люди, поцелованы в макушку — кто-то

больше, кто-то меньше. У кого-то вера — это его каждодневное дыхание, у кого-то это атрибутика, но, так или иначе, без веры творческий человек не бывает.

— Любовь Юрьевна, сейчас в жизни верующего человека наступают особые дни — дни поста. Что для вас значит это время?

— Для меня пост — это некий поворот. Я знаю, что закончится пост, и в моей жизни будут происходить чудеса. Пост — это поиск себя, своего пути к познанию великих, многообразных граней Творца. А это возможно только в молитве, в тишине, в сосредоточении на внутреннем мире, успокоении плоти. Тогда дух оживает, и начинает пробуждаться ощущение твоего индивидуального внутреннего «я», не забитого мнениями и установками окружающего мира, у тебя открываются глаза.

Если молишься, помощь невероятная!

Для творческого человека, не имитирующего духовную работу, а служителя искусства, пост — это образ жизни. Постоянная духовная работа, поиск, освоение великой музыки, текстов, создание образов внутри и затем воплощение их на сцене. У художников воплощение — в картинах. У писателей — в рождении текста. Если дух «забит» ненужной суетой, агрессией, раздражением, злословием, ненавистью, завистью, и при этом соблюдаются постные трапезы, это не пост, а диета и самоуспокоение: «Мол, я соблюдаю пост». И присутствие на церковных службах тоже не спасает от духовной пустоты низкие души. К сожалению, иногда мы видим на сцене духовную пустоту, иезуитство и отдаленность от Бога.

Сотворчество с Богом — великая работа, ограничение капризов «эго». Погружение во внутреннюю работу тела и духа, постнический труд — это как молитва. А если молишься, помощь невероятная! Работа над «выравниванием» себя, ощущение обязанности и при этом свободы — это та прав-

да, которая возникает, когда дух встает на путь избавления от ложных идеалов, когда отступает желание улаживать свое «это». Это и есть пост. Это великая штука.

Я читала в книгах, что и в допетровское время, и при Петре I Великим постом в России постились так: 40 дней только хлеб и вода. И люди знали, что они делают — даже те, кто трудились в поле, а это большой физический труд. Так что все это ерунда, что «сил не будет». Если человек осознанно входит и в духовный, и в, так скажем, «столовой пост», в нем пробуждаются совершенно другие силы.

— А как постились в вашей семье?

— Я вспоминаю своих бабушек. Во время поста утро начиналось с тюри — черный хлеб порезан в чай, на обед пустые щи и каша на воде и ужин — либо пустой чай, либо чай с сухарями. Это железно. Так и жили 40 дней Великого поста. Ничего. Когда соседи спрашивали бабушку: «Надежда Ивановна, а вы что, даже пироги не печете?» Она отвечала: «Нет, я не пеку пироги. Я не соблазняюсь. Пироги должны быть пышные, вкусные. Я туда обязательно что-нибудь добавлю, а это уже все».

Бабушка не болела душой, всегда улыбалась. Она была невероятно добра

Когда мы болели, бабушка говорила: «Детонька, выпей чайку с лимоном или малиновым вареньем, кипятком залитым». Бабушка никогда не болела, не знала, что такое вирус. Ей уже было под 80 лет. Она не болела душой, всегда улыбалась. Она была невероятно добра. К ней ходили как к психологу: «Надежда Ивановна, что делать? Как здесь поступить? Меня муж отругал». — «А ты его прости, мысленно перекрести его и скажи: “Господь с тобой! Я тебя люблю”». — «Ой, Надежда Ивановна, спасибо. Все вдруг разрешилось».

Мой педагог Надежда Матвеевна Малышева-Виноградова в пост угощала меня холодной слегка запеченной пшеникой, которую она поливала свежепротертой ягодой — малиной, ежевикой, смородиной. Она сама ее заготавливала.

Пила «фиговый кофе» — ячмень с цикорием — и говорила: «Я прекрасно себя чувствую». Но ни для нее, ни для моих бабушек, ни для моей семьи пост — не только и не столько постная трапеза. Если речь идет только о трапезе — это диета. Она никакого отношения к посту не имеет.

Для меня вера — это нечто большее, чем воцерковленность и набожность. Это намного большее. Это объем моего сердца и души. Это мое бытие. Это моя жизнь.

*С Любовью Казарновской
беседовала Ирина Ахундова*

